

СОБРАНИЕ МАЭ РАН ПО КУЛЬТУРЕ ДЕНАЙНА

Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) (МАЭ) является наследником первого государственного музея России — Кунсткамеры, основанной по повелению императора Петра Великого в 1714 г. В 1718–1728 гг. для Кунсткамеры построили специальное здание, в котором музей находится до наших дней. Музей несколько раз переименовывался. В 1836 г. Кунсткамеру разделили на семь самостоятельных музеев. Наряду с другими из ее состава выделился Этнографический и Анатомический музеи. В 1879 г. их объединили в единый Музей антропологии и этнографии (МАЭ), в то же время за Музеем антропологии и этнографии всегда сохранялось его историческое название — Кунсткамера.

Коллекции по народам Америки были в составе музея с момента его основания в 1714 г. Самые ранние коллекции по народам Аляски поступили в Кунсткамеру от участников экспедиции В.Й. Беринга — А.И. Чирикова, которые в 1741 г. открыли северо-западное побережье Аляски и Алеутские острова.

Первая встреча русских с индейцами денайна произошла летом 1785 г., когда Г.И. Шелихов отправил с Кадыяка промысловую партию для исследования побережья Кенайского (Кука) и Чугачского (Принс Уильяма) заливов. В последующие годы на территории расселения денайна основали несколько торговых факторий — в 1787 г. Георгиевский редут в устье реки Касилова и в 1791 г. Николаевский редут в устье реки Какну (р. Кенай). Эти поселения принадлежали торгово-промышленной компании купца П.С. Лебедева-Ласточкина.

Первый предмет денайна поступил в музей в 1820 г., это был металлический кинжал из сборов Василия Михайловича Головнина (1771–1831) (№ 539-3). Мореплаватель В.М. Головнин дважды побывал на Аляске — во время плавания на шлюпе «Диана» в 1809–1811 гг. и в 1818 г. во время кругосветной экспедиции на судне «Камчатка». Во время последнего путешествия он собрал этнографическую коллекцию, в состав которой входит вышеупомянутый кинжал. Раздвоенная нижняя часть его рукоятки — характерная деталь изделий северных атапасков.

В 1828 г. в Кунсткамеру передали этнографическое собрание Музея Государственного Адмиралтейского департамента (МГАД). Этот музей

был создан в 1805 г. Ему дарили коллекции участники русских кругосветных и полукругосветных экспедиций: Ю.Ф. Лисянский, П.В. Поваляшин, В.М. Головин, Л.А. Гагемейстер, С.П. Хрущев, А.П. Лазарев, М.П. Лазарев и многие другие. Мореплаватели привозили из дальних стран самые разнообразные коллекции: зоологические, ботанические, этнографические, минералогические и другие. В настоящее время в МАЭ имеются коллекция, поступившая из МГАД в 1828 г. (№ 633). Список предметов этого музея — «Ведомость редкостям» и карточный каталог к коллекции № 633, составленный К.К. Гильзеным в 1901 г. В каталог вклеены этикетки МГАД к большинству предметов. Изучение этой и другой музейной документации позволяет установить большинство предметов, поступивших в Кунсткамеру из МГАД. По индейцам денайна из собрания МГАД удалось определить лук (№ 2667-18), приобретенный мореплавателем Степаном Петровичем Хрущевым (1790–1865) в 1823 г.

В начале сороковых годов XIX в. в музей поступила этнографическая коллекция от Василия Ивановича Кашеярова (?–1849). В 1831–1838 гг. он был управляющим Кадыякского отдела Российско-Американской компании. В настоящее время часть коллекции В.И. Кашеярова зарегистрирована под № 518. В ее состав входят четыре резные ложки из рога горных коз чугачей, две рубахи и штаны денайна. Рубахи украшены аппликацией из расщепленных игл дикобраза и семенами плодов кустарника «Лох серебристый» (*Elaeagnus commutata*). Использование семян, а не бисера указывает на древность этой одежды. Другие предметы собрания В.И. Кашеярова в настоящее время зарегистрированы среди «старинных поступлений музея».

* * *

Поступление целого ряда более поздних коллекций связано с именем Ильи Гавриловича Вознесенского (1816–1871). Как упоминалось, в 1836 г. произошло разделение Кунсткамеры на семь самостоятельных музеев, в том числе Этнографический музей. Первые годы у него не было директора, так как ни один из российских академиков не занимался этнографией, а директором музея по академическому уставу мог быть только академик. Ответственным за Этнографический музей назначили хранителя Зоологического музея Егора Ивановича Шрадера. Он одновременно занимал должности хранителей Зоологического и Этнографического музеев. После разделения Кунсткамеры выяснилось, что американские собрания специализированных музеев крайне малочисленны. Чтобы восполнить коллекции, руководство Императорской Академии

наук (ИАН) приняло решение отправить в Русскую Америку одного из сотрудников. Выбор остановили на помощнике Е.И. Шрадера по Зоологическому музею И.Г. Вознесенском, которому было в 1839 г. двадцать три года. Он происходил из мещанского сословия, был сыном отставного унтер-офицера, работавшего при академии. И.Г. Вознесенский получил «самое элементарное образование», соответствующее его социальному положению. Вероятно, он окончил два или три класса церковно-приходской школы, однако И.Г. Вознесенский всегда писал ровным красивым почерком. В возрасте пяти лет его определили «наборным учеником» в академическую типографию, где он проработал шесть лет, затем его перевели в Зоологический музей. Еще в детстве И.Г. Вознесенский самостоятельно выучил французский и немецкий языки. По-немецки он говорил свободно (в то время почти все сотрудники ИАН были немцами по национальности и немецкий был «рабочим языком» в их среде).

Е.И. Шрадер составил для И.Г. Вознесенского инструкцию по сбору этнографических коллекций. Согласно этой инструкции, И.Г. Вознесенский должен был записывать название каждого предмета, его местное название, материал, из которого он изготовлялся, назначение предмета, а также отмечать, «в какой ценности» находится у местных жителей тот или иной предмет. То есть И.Г. Вознесенский должен был обращать внимание на уникальность отдельных вещей. Также к каждому предмету необходимо было сделать этикетку и составлять списки предметов к отдельным посылкам. И.Г. Вознесенский строго следовал инструкциям Е.И. Шрадера во время всего пребывания в экспедиции, которая длилась с 1839 по 1849 г.

В Ново-Архангельск, административный центр Русской Америки, И.Г. Вознесенский прибыл в мае 1840 г., с этого времени здесь находилась его постоянная резиденция в течение пяти лет, куда он возвращался после длительных путешествий. Во время пребывания в Русской Америке И.Г. Вознесенский познакомился со многими служащими Российско-Американской компании, некоторые из них стали его добровольными помощниками. Известный исследователь Аляски Л.А. Загоскин писал: *«Зоолог-препаратор г-н Вознесенский независимо от своих трудов на пользу императорской Академии наук умел во многих из нас вдохнуть страсть к собиранию естественных предметов в стране, до того времени столь мало известной ученому свету»* [Загоскин 1956: 151–152]. За пятилетнее пребывание в Русской Америке И.Г. Вознесенский посетил почти все ее районы: Калифорнию, острова Александровского архипелага, Кенайский полуостров, остров Кадьяк, Алеутские и При-

быловы острова, побережье залива Нортон и район Берингова пролива, и везде он занимался сбором коллекций.

22 июня 1842 г. И.Г. Вознесенский в сопровождении креола Ф. Дружинина отправился на бриге «Промысел» на остров Кадьяк. Туда же ехал с инспекторской проверкой главный правитель русских владений в Америке А.К. Этолин. Через пять суток бриг бросил якорь на рейде селения Павловская гавань. Первоначально И.Г. Вознесенский сопровождал А.К. Этолина. 7 июля «Промысел» с А.К. Этолиным, И.Г. Вознесенским и правителем Кадьякской конторы Российско-Американской компании И.С. Костромитиновым отправился к Николаевскому редуту на Кенайском полуострове. Через двое суток судно было на месте, здесь И.Г. Вознесенский расстался с А.К. Этолиным. Николаевский редут стал его базой, откуда И.Г. Вознесенский предпринял несколько поездок для исследования Кенайского полуострова. Он ходил к Скалистым горам, плавал в байдарке по Кенайскому заливу к острову Калгин, совершил плавание по рекам Какну и Касилова к озеру Тустамен, проплыл в байдарке и прошел пешком более восьмидесяти верст по берегу Кенайского залива от мыса Микешина до бухты Качемак. Таким образом, он обследовал все западное побережье Кенайского полуострова как к северу от Николаевского редута, так и к югу — до селения Нинильчик, расположенного на мысе, который денайна называли Сунит, далее до мыса Старичков (Стук-таль-хин на языке денайна), а оттуда к бухте Качемак.

В дневнике от 29 июля 1842 г. И.Г. Вознесенский писал о поездке в северном направлении от Николаевского редута: *«Здесь самое узкое место Кенайского залива, от Аляскинского берега выходит углом плоский мыс, до которого расстояние незначительное — в байдарке можно переехать в тихую погоду в полтора часа (верст 9 или 10). Мыс этот называется по-кенайски "Кустан", на самом краю мыса есть два селения кенайских. Жителей менее 100 человек. В ясную погоду виден дым бывает из барабор (жилищ. — С.К.). Берег мыса от горизонта воды столь же высок, как и кенайский (берег. — С.К.), отсюда залив Кенайский становится внутри шире. Я ходил от сенокоса на кенайское жили (селение. — С.К.), которое от сего места отстоит на полтора часа ходьбы... тут находится одна большая барабора, в которой все живут кенайцы, человек около 30. Кенайцы эти собираются идти на хребты гор, за промыслом диких баранов. Жило, в котором я был сегодня, называется Нуктаз-Китат»* [СПФ АРАН. Ф. 53. Оп. 1. № 1/8. Л. 19 об.].

Во время пребывания на Кенайском полуострове И.Г. Вознесенский собрал коллекцию по денайна (кенайцам), танана (кольчанам), атна

(медновцам) и эскимосам чугачам. При регистрации собрания И.Г. Вознесенского в конце XIX в. сотрудник музея К.К. Гильзен посчитал как его сборы коллекцию Е.А. Борисова, управляющего Николаевским редутом в 1856–1859 гг., которая поступила в музей 7 сентября 1859 г., и коллекцию от А.Ф. Кашеварова, поступившую в 1868 г. Об этих коллекциях будет сказано отдельно, сейчас остановимся на тех предметах, которые были собраны именно И.Г. Вознесенским в 1842 г. на Кенайском полуострове. Главное внимание обратим на выявление комплексов предметов. Так, И.Г. Вознесенский приобрел несколько комплектов мужской одежды денайна, в добавление к которым входили замшевые колчаны и соответственно луки со стрелами.

Наиболее полный комплект мужской одежды состоит из рубахи, сделанной из мягкой замши (№ 2667-5), штанов, составляющих единое целое с обувью (№ 2667-8), пары рукавиц (№ 2667-13/1–2) и пары перчаток (№ 2667-11/1–2), украшенных геометрическим узором из игл дикобраза.

Следующий мужской костюм представлен рубахой (№ 2667-3) и штанами (№ 2667-7). Обе части этого костюма расшиты узором из игл дикобраза. Эти вещи И.Г. Вознесенский приобрел еще в 1840 г. в Ново-Архангельске, и хотя в его списках они значатся как изделия кенайцев, т.е. денайна, по узору на аппликации они могут быть изделиями атна.

Еще один мужской костюм денайна состоит из рубахи (№ 620-40/а), штанов, составляющих единое целое с обувью (№ 620-40/б), и пары перчаток (№ 620-40/в/1–2).

Также к изделиям денайна относится рубаха № 2667-40, в комплект к которой входят штаны № 2667-39. В музейной документации они значатся как изделия альтиинок селения Катмай, которое находилось на восточном побережье полуострова Аляска. Катмайцы и денайна имели постоянные торговые связи друг с другом. По материалу, покрою и украшениям из игл дикобраза и семян плодов кустарника Лоха серебристого эти рубаха и штаны являются изделиями денайна. Однако их орнамент отличается от орнамента на другой одежде денайна из сборов И.Г. Вознесенского.

Последний комплект принадлежностей мужского костюма состоит из штанов с узором из игл дикобраза (№ 2667-6), в комплект к которым входил замшевый колчан (№ 593-60/а) и стрела (№ 593-60/б). Об использовании стрел И.Г. Вознесенский писал, что стрелами «с железными носками (лезвиями. — С.К.) бьют медведей и оленей, с костяными — лисиц, соболей и других животных, а также птиц» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Д. 9. Л. 144 об]. Возможно, что в комплект к стреле

№ 593-60/б входят стрелы № 2890-13, -14, -16. Они имеют сходный кольцевой узор на древках.

Также в собрании И.Г. Вознесенского имеется замшевая накидка (№ 593-27), которую он приобрел в 1844 г. у тлинкитов на острове Ситка. По материалу, орнаменту и украшениям из игл дикобраза и семян она является изделием денайна.

Женский костюм представлен длинной рубашкой с прямым подолом (№ 620-41/а) и перчатками к ней (№ 620-41/б/1–2). Необходимо отметить, что вся женская одежда северных атапасков (денайна, атна, танана) в собрании И.Г. Вознесенского имеет прямой подол, а мужская — клиновидный. Почти все предметы одежды денайна в собрании И.Г. Вознесенского украшены узором из расщепленных игл дикобраза и семян. И.Г. Вознесенский отметил в своем дневнике: *«В Кныках (в изголовье Кенайского залива) есть ягода <...> Весьма вкусная и сладкая, которую кенайцы весьма любят — варят из нее кашу. Форма ягоды той круглая, гладкая. Цветом и телом белая. Косточки в ягоде черные, которые кенайцы нанизывают на нитки и употребляют (в виде. — С.К.) украшений на ровдугах (рубашках. — С.К.) своих <...> Величиной ягода поболее горошины. Растет на ровном месте и на глинистой почве близки рек. По-кенайски “тэхъчек’а”* [СПФ АРАН. Ф. 53. Оп. 1. № 1/6. Л. 25 об.].

Что касается предметов охоты и вооружения, то к ним относятся луки (№ 2667-17, -19, -20) и каменные наконечники копий (№ 2667-23, -24), сделанные из отщепов призматических нуклеусов, их края имеют двухстороннюю отжимную ретушь. Копья с каменными наконечниками использовали для охоты на крупных животных, а также как боевое оружие. Лук № 2667-20 относится к усиленному типу, луки № 2667-17, -19 — к простому типу. Простые луки использовались при охоте на лесных животных, усиленные луки, древки которых укреплялись связками сухожилий, — при промысле морских животных. Усиленный лук № 2667-20 имеет «предохранитель» из рога в виде выступа на внутренней стороне древка, который защищал кисть охотника при стрельбе от отдачи тетивы.

Все томагавки, имеющиеся в музее, обычно относят к изделиям индейцев атна, но на музейной этикетке середины XIX в. к томагавку № 2667-14 сделана надпись: *«Древний топор Кенайцев»*. Для изготовления томагавков денайна использовали тяжелый рог молодого оленя-карибу, из которого вырезали большой кусок со вторым надглазничным отростком. Нижнюю часть, служившую рукояткой, обвертывали полоской замши. Если длина томагавков атна в МАЭ составляет 60–66 см, то

длина этого томагавка только 45 см. Также он отличается тем, что в его ударной части нет выреза для лезвия. Нижняя часть его рукояти обернута куском оленьей замши с нарезанной бахромой. Другие томагавки МАЭ в нижней части рукояти украшены не бахромой, а кисточками из тонких ремешков. И.Г. Вознесенский называл томагавки «колотушками» или «тумагавками». Он писал: *«Колотушки, так называют в Америке русские кистень-тумагавк, которыми вооружены бывают большой и малый (мужского пола), носят их скрывая за воротом ровдужной рубахи или парки»* [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. № 9. Л. 139].

Другие вещи из коллекции И.Г. Вознесенского по денайна представлены отдельными предметами. Это очищенные от коры и расщепленные ветви ивы (№ 571-28), из которых женщины плели корзины, сосуд, сделанный из распаренного рога горного барана (№ 571-27), два каменных лезвия-скребка от женских ножей для очистки шкур (№ 2667-25, -38) и сплетенный из корней сачок для ловли рыбы (№ 2667-26). Такие сачки использовались, когда рыба огромными косяками шла из моря в реки на нерест. Для ловли лососей над водой устанавливали деревянные помосты на сваях, на которых сидели старики и дети. Сачками они просто вычерпывали рыбу из воды.

Уникальный экспонат — шаманская кукла (№ 2667-15). Она изображает индейца денайна в традиционной одежде, украшенной бисером, ее лицо раскрашено символическим узором. Кроме одежды к кукле прикреплены модели томагавка и колчана. Считалось, что в кукле обитал дух-помощник шамана, который действовал по его указанию. Такие куклы использовались во время шаманских сеансов, связанных с изгнанием злого духа из тела больного.

На Кенайском полуострове И.Г. Вознесенский оставался до 19 сентября, когда на бриге «Квихпак» он отплыл на Кадьяк. Об исследованиях этого периода И.Г. Вознесенский писал: *«Приобретенные мною коллекции по части зоологии, ботаники, минералогии и этнографии состоят из замечательного числа любопытных предметов, собранных на Снеговых горах, называемых туземцами Трыыли, в окрестностях большого озера Тустамена, из которого и выходит река Касилова, с острова Калгина и многих других мест»* [СПФ АРАН. Ф. 53. Оп. 1. Д. 35. Л. 8].

* * *

Михаил Дмитриевич Тебеньков (1802–1872) был главным правителем русских владений в Америке в период с 1845 по 1850 г. М.Д. Тебеньков был знаком с И.Г. Вознесенским, с которым встретился на пути в Русскую Америку в фактории Российско-Американской компании

Аян на побережье Охотского моря. Как и его предшественник А.К. Этолин, он занимался сбором различных коллекций.

После возвращения в Санкт-Петербург М.Д. Тебеньков передал свою коллекцию в музей оружия — Царскосельский арсенал, где она находилась до 1907 г. В этом году собрание вооружения первобытных народов Царскосельского арсенала передали в Этнографический отдел Русского музея, где их зарегистрировали в трех коллекциях. Из них две — № 1266 и № 1267 — представляют собой тематические наборы оружия народов Аляски. Они состоят из большого количества однотипных копий, гарпунов, острог, наконечников и метательных дощечек. Большое количество однотипных предметов служит свидетельством того, что эти коллекции состоят из сборов нескольких собирателей. Третья коллекция № 1298 выделяется комплексно подобранным составом экспонатов. В нее входили не только предметы вооружения, но и шаманские атрибуты и одежда. Это свидетельствует о том, что коллекция является собирательской, а не тематической. Часть предметов этой коллекции с большой уверенностью можно отнести к изделиям середины XIX в. В состав Царскосельского арсенала она поступила значительно позже, чем две вышеупомянутые коллекции по народам Аляски.

Ф.К. Волков и С.И. Руденко писали: *«Относительно более поздних поступлений нам удалось узнать, что некоторая часть поступивших к нам из Царскосельского арсенала коллекций была собрана и доставлена <осподином> Тебеньковым, бывшим главным правителем русских колоний в Америке»* [Волков, Руденко 1910: 156]. Хотя прямых свидетельств принадлежности М.Д. Тебенькову этой коллекции нет, на основе косвенных данных можно предположить, что ее собирателем был именно он. После передачи в МАЭ в 1938 г. эти предметы зарегистрировали в коллекциях № 5795 и 5801.

* * *

Поступление в музей очередного интересного собрания связано с именем горного инженера Петра Павловича Дорошина (1823–1875). П.П. Дорошин окончил в 1845 г. Институт корпуса горных инженеров в Санкт-Петербурге в звании поручика и после прохождения практики поступил на службу в Российско-Американскую компанию. В Русской Америке он находился с 1848 по 1853 г. Сбором этнографических коллекций П.П. Дорошин занимался в течение всего пребывания в Русской Америке. Также он составил специальные этнографические очерки, которые после возвращения в Петербург передал хранителю Этнографического музея Леопольду Федоровичу Радлову (1818–1865). Л.Ф. Рад-

лов готовил большую монографию по языку тлинкитов, однако из-за преждевременной смерти автора в 1865 г. эта работа так и осталась неизданной. В 1875 г. рукопись Л.Ф. Радлова поступила в распоряжение французского исследователя А.Л. Пинара. Возможно, что вместе с ней ему были переданы и «содержательные этнографические заметки» П.П. Дорошина. Найти их в архивах пока не удастся.

Что касается его этнографической коллекции, то в 1854 г. П.П. Дорошин передал ее в недавно образованный музей Императорского Русского географического общества (ИРГО). В 1879 г. издали каталог коллекций этого музея, где перечислено собрание П.П. Дорошина. В 1891 г. после расформирования музея ИРГО собрание П.П. Дорошина наряду с другими этнографическими коллекциями поступило в МАЭ. Сотрудник МАЭ Л.Я. Штернберг писал: *«В подвалах, сваленными в кучу, громоздились целые груды свезенных в 1891 г. из бывшего Музея Географического общества коллекций со всех концов России, не имевшие ни описей, ни нумерации, если не считать кучи отрывочных заметок и случайных этикеток, по которым приходилось решать уравнения со многими неизвестными»* [Штернберг и др. 1917: 248].

Вещи денайна в коллекции П.П. Дорошина были представлены стрелой № 2667-22/а–b: *«539. Стрелы с колчаном; последний из шкуры тюленя (нерпы). Оконечности стрел или из зеленой яшмы, или из аспидного сланца. Употребляют при охоте на медведя, оленя и др. Стрела по кенайски изини»* [Каталог предметов 1879: 23] и двумя наборами игральных палочек № 337-15/1–2: *«527. Игра в кости (циндляхэ) туземных племен Америки. От Кенайцев с северо-западного берега Америки»* [Там же]. В 1932 г. стрелу № 2667-22/а–b передали в Музей истории религии и атеизма. Колчан и другие стрелы, вероятно, зарегистрированы в коллекциях, которые значатся как «старинных коллекций музея». Также в каталоге музея ИРГО перечислены и другие вещи из сборов П.П. Дорошина, которые не удалось выявить до настоящего времени: *«536. Томагавк или колотушка (по кенайски — тхохальхэ) из оленьего рога, оружие гольцан, принадлежащих к племени тэнайни. 537. Лук кенайцев, живущих у северного берега озера Илямна или Шелехова. По кенайски лук — цыльхтэнь. 538. Стрелка, которою илямские кенайцы бьют из лука птиц»* [Там же].

Известно, что большую часть своих исследований П.П. Дорошин провел на Кенайском полуострове и собрал здесь интересный этнографический материал. А.А. Шифнер — директор музея в 1845–1865 гг., в предисловии к статье Л.Ф. Радлова поместил шесть песен танаина, записанные П.П. Дорошиным, из которых две являются шаманскими

[Бломквист 1975: 106]. После возвращения в Петербург П.П. Дорошин опубликовал несколько статей о своих исследованиях в Русской Америке. Большинство из них посвящено геологии и только одна статья носит характер путевых заметок, где имеются сведения этнографического характера о чучаках и атна, данных о денайна в этой работе нет [Дорошин 1866].

* * *

Как упоминалось, в сентябре 1859 г. музей получил через И.Г. Вознесенского этнографическую коллекцию от Ефима Александровича Борисова — служащего Российско-Американской компании, управляющего Николаевским редутом в 1856–1859 гг. Хотя это собрание было внушительным по количеству и насчитывало несколько десятков предметов, его большая часть предназначалась родственникам Е.А. Борисова. В музей были переданы лук денайна с раскрашенным колчаном из замши и девятью стрелами, еще один лук с четырьмя стрелами без колчана, мужской костюм из рубахи и штанов, перчатки, головной убор из замши, костяная трубочка для питья воды и копье. Все перечисленные вещи являлись частью одежды и охотничьего снаряжения «почетного» воина денайна из индейского селения Кнык. Также для музея предназначался женский костюм богатой индеанки денайна, который состоял из рубахи, украшенной бисером, одной пары рукавиц и одной пары обуви — «торбасов» [СПФ АРАН. Ф. 46. Оп. 1. № 3. Л. 139 об.].

Часть этой коллекции И.Г. Вознесенский сразу же передал в музей, а другую часть — только в 1863 г. Это были вещи, которые родственники Е.А. Борисова продали музею. На основе изучения музейной документации удалось определить ряд предметов из собрания Е.А. Борисова, поступивших в музей как в 1859 г., так и в 1863 г. Это костяная трубочка денайна для воды (№ 2667-29) — *«Дудочка для питья воды, употребляемая в дорогах и во всякое время, при оной плетеная из бисера и стекляруса тесьма через плечо»* [СПФ АРАН. Ф. 46. Оп. 1. № 3. Л. 139 об.]. Женская рубаха (№ 2667-1), при ней сапоги «торбаса» (№ 2667-16/1-2) — *«Костюм женский, почетной кенайки нарядное платье, из ровдуги с бисерным украшением, к оному принадлежит 1 пара рукавиц с узорами и 1 пара торбасов с бисерным украшением»* [Там же]. Колчан (№ 2667-30) и стрелы (№№ 2667-31–36). Комплект с ними может составлять один из луков (№ 2667-17, -19, -20), которые в настоящее время значатся как сборы И.Г. Вознесенского. В письме Е.А. Борисова к И.Г. Вознесенскому перечислены другие вещи денайна, которые еще не удалось выделить из музейного фонда: *«Костюм кенайский мужской, т.е. фрак и брюки с сапогами именуемый «Гальгана» из ровдуги*

с узорами из нюниковой (дикобраза. — С.К.) щетины <...> Перчатки с узором. Шапка из ровдуги и еврашки с узором <...> Копье, употребляемое на войне <...> при оном кожа из ровдуги с бисерным украшением с плетеною из бисера тесьмою через плечо. Этот прибор весь принадлежит одному почетному воину, и нынче употребляют Кныковские кенайцы, которые находятся поблизости кольчан <...>

Пара торбасов мужских и 1 пара перчаток из ровдуги с узором из нюниковой щетины, кенайской работы» [Там же: 139–139 об.].

* * *

Коллекция Аполлона Филипповича Кашеварова (1825–?) была отправлена в музей в августе 1866 г. и получена в Санкт-Петербурге в 1868 г. Известно, что в этой коллекции была «парка из ровдуги [замши. — С.К.], одежда кенайцев» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. № 8. Л. 29 об.]. Выявить ее из музейного фонда еще не удалось.

Собирателей нескольких предметов денайна из собрания МАЭ установить тоже пока не удалось. Речь идет о мужской рубашке (№ 2667-2), штанах (№ 2667-9), сапогах (№ 2667-37/1–2), рукавицах (№ 2667-10/1-2), перчатках (№ 2667-12/1-2) и соединительном шнуре для рукавиц (№ 2930-52). Их собирателями могут быть И.Г. Вознесенский, В.И. Кашеваров, А.Ф. Кашеваров, П.П. Дорошин, Е.А. Борисов. Но даже не зная собирателей этих предметов, можно сказать, что они относятся к изделиям середины XIX в. Таким образом, все предметы МАЭ по культуре денайна были собраны в период с 1818 по 1866 г., когда индейцы сохраняли многие черты своей традиционной культуры и вели тот же образ жизни, что и их предки.

Библиография

Бломквист Е.Э. История изучения в России языков североамериканских индейцев (из архива МАЭ) // Из культурного наследия народов Америки и Африки. М.; Л., 1975. С. 94–117. (Сборник МАЭ. Т. XXXI).

Волков Ф.К., Руденко С.И. Этнографические коллекции из бывших российско-американских владений // Материалы по этнографии России. СПб., 1910. Т. 1. С. 155–200.

Дорошин П.П. Из записок, веденных в Русской Америке // Горный журнал. 1866. Ч. 1. № 3. С. 365–400.

[*Загоскин Л.А.*] Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842–1844 г. М., 1956.

Каталог предметов, собранных от разных учреждений и лиц Императорским Русским географическим обществом. СПб., 1879.

Лисянский Ю.Ф. Путешествие вокруг света на корабле «Нева». М., 1947.

[Штернберг Л.Я. и др.] Музей антропологии и этнографии имени императора Петра Великого // Материалы для истории Академических учреждений за 1889–1914 гг. Пг., 1917. Т. 2. Ч. 1. С. 241–308.

Список сокращений

ИАН — Императорская академия наук
ИРГО — Императорское Русское географическое общество
МАЭ — Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера)
МГАД — Музей Государственного Адмиралтейского департамента
СПФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук

Е.М. Лупанова

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО БИОГРАФИИ В.Л. ЧЕНАКАЛА

Трудно переоценить роль, которую сыграл в истории Музея М.В. Ломоносова МАЭ РАН Валентин Лукич Ченакал, более четверти века стоявший во главе отдела, ученый мирового уровня, признанный специалист в области истории науки и приборостроения. Его профессионализм и впечатляющие знания по истории оптики высоко ценились не только в СССР, но и за рубежом. Несмотря на политику «железного занавеса», ряд его работ был опубликован за границей [Kniajetskaia, Tchenakal 1975; Chenakal 1976; 1972; Tchenakal 1961; 1974].

Деятельность В.Л. Ченакала стала яркой страницей в истории нашего музея. Он вел колоссальную работу по организации музея, поиску и сбору предметов, одновременно занимаясь серьезной научно-исследовательской деятельностью. Он лично вникал во все детали музейной жизни, начиная от научно-исследовательской и экспозиционно-выставочной работой и заканчивая работой просветительского характера, сотрудничал со средствами массовой информации, отвечал на различные информационные запросы и занимался консультированием. Консультативная деятельность в годы, когда Музей М.В. Ломоносова возглавлял В.Л. Ченакал, была чрезвычайно широкой и трудоемкой. Только за период с 1971 по 1975 г. было дано 352 консультации (в среднем каждую